

Часть 1

Что это может значить?

Волны приятно плескались вдоль пляжа Шичиригахама. Ветер не умолкая свистел в ушах. К этим звукам добавился голос.

— Дядя, кто вы такой?

Говорила девочка с красным кожаным рюкзаком.

Она смотрела на него настороженно. Без тревоги, но уверенно.

Сакута же был гораздо менее уверен. По двум веским причинам.

Во-первых, эта девочка была очень знакомой. Она выглядела точь-в-точь как знаменитая детская актриса Май Сакурадзима.

Но еще больше тревожило то, что это происходило с ним уже во второй раз.

Однажды она уже снилась ему. Станный сон, который хорошо запомнился. А теперь те же события происходили наяву.

И его голова была слишком занята этим странным чувством дежавю, чтобы придумать ответ на вопрос девочки.

В итоге он повторил фразу из сна:

— Значит, я тоже очень повзрослел...

Для такой девочки старшеклассники действительно выглядели взрослыми. В ее возрасте он тоже называл любого «дядей». Только... теперь, в старших классах, он совершенно не чувствует себя взрослым. А сможет ли когда-нибудь почувствовать?

— Мама велела мне не разговаривать с незнакомцами. Извините.

Девочка вежливо поклонилась и повернулась к нему спиной.

— А где твоя мама?

Он огляделся; ближайший человек находился в тридцати метрах от них. Это был пожилой мужчина с собакой, который прогуливался по пляжу, не обращая на них никакого внимания.

— ...

Девочка притворилась, что не слышит его, и не ответила.

— Ты одна?

— ...

Очевидно, правила, которым научила ее мать, были железными. Сперва девочка посмотрела на запад, в сторону Эносимы, но когда повернулась на восток, в сторону Камакуры и Хаямы, он заметил, что она нахмурилась.

Он тоже покрутил головой налево и направо, снова задаваясь вопросом, что происходит.

Первой пришедшей на ум мыслью было: «Это "Подростковый синдром"».

Большинство людей насмеялись над этой концепцией, считая ее всего лишь суеверием. Просто какая-то чушь, выдуманная и распространяемая в интернете. Никто всерьез не верил в нее.

Но у Сакуты были веские причины относиться к ней серьезно. Он не понаслышке знал, как люди становятся невидимыми, предсказывают будущее, дублируются на две части или меняются телами с сестрами. Он жил с этим.

Среди таких людей, например, была девушка, которая училась то в школе, то в университете. Поэтому, хотя Май и была старшеклассницей, он не слишком удивился, что она вдруг превратилась в девочку из начальной школы. Лично он предпочитал более старшую версию и надеялся, что она скоро вернется к обычной жизни...

Сакуту беспокоило лишь одно. Его подруга, Рио Футаба, как-то сказала: «Возвращение в прошлое в самом деле проблематично».

Он припомнил, что она сказала это как раз в то время, когда начались проделки маленькой дьяволицы.

Сакута не совсем понимал логику, но если Рио что-то сказала, значит, так и есть.

Известно, что Сёко Макинохара выросла. Но если стоящая рядом с ним девочка действительно

Май, то она стала маленькой. Что может стать очень большой проблемой.

Должно быть, она почувствовала его взгляд. Девочка вскинула на него глаза, словно хотела что-то сказать, но промолчала. Она не сдвинулась с места, чтобы уйти. Просто стояла, растерянно ожидая, что он скажет.

— Ты заблудилась? — спросил он первое, что пришло в голову.

Она подпрыгнула. Очевидно, он угадал правильно.

— Нет! — упорствовала она, глядя на него.

Ее взгляд был точно таким же, как у взрослой Май. Сакута улыбнулся, находя этот факт весьма занимательным.

— Где... я? — спросила она, словно упрекая его за ухмылку.

— А я думал, что ты не разговариваешь с незнакомцами.

— Неважно.

Она сделалась более недовольной, повернулась спиной к Сакуте и зашагала к Эносиме.

— Ты на Шичиригахаме, — крикнул он.

Она остановилась.

Он подождал, пока она обернется, а затем добавил:

— Шичиригахама, которая на самом деле меньше одного ри в длину.

— ...

По-прежнему никакой реакции. Она продолжала смотреть на него в упор, не говоря ни слова.

— Я учусь там, в школе Минегахара. Меня зовут Сакута Азусагава.

Он указал на здание школы и запоздало представился.

— Теперь я не незнакомец, верно?

Она моргнула, широко раскрыв глаза... но удивление вскоре сменилось улыбкой.

До самого неба разнесся счастливый детский смех.

Звук крепкого здоровья и хороших времен.

Смех от радости тому, что жив.

Но тучи, нависшие над сердцем Сакуты, не рассеялись. Ни один лучик света не озарил его лицо.

Причина была слишком ясна.

Он понятия не имел, кем может быть эта девочка.

Когда она перестала смеяться, он спросил:

— Как тебя зовут?

И сразу перешел к делу. Ее губы сжались, она подняла на него глаза.

— Вы меня не знаете?

— Потому и спрашиваю.

— Я... — начала она.

— Сакута.

Голос позади позвал его по имени.

Голос, который он узнал бы в любом месте и никогда не мог насытиться им.

— ?!

Он удивленно обернулся. В десяти метрах от него стояла Май в школьной форме Минегахары. Рост около 170 см, немного высоковата для девушки. Одной рукой она прикрывала волосы от

ветра, а в другой держала картонный тубус с дипломом. Это была та Май, которую он всегда знал. Она направилась к нему по песку.

Когда он ничего не ответил, она подняла бровь.

— Удивлен, что увидел меня? — поддразнила она.

— Ты Май?.. — Ответ будет очевидным, но он все равно спросил.

— Я заставила тебя ждать так долго, что ты позабыл меня?

Она была уже достаточно близко, чтобы протянуть руку и погладить его по голове. Голос, жесты, тон, которым она дразнила его, — никаких сомнений. Это была его Май.

— Ты правда Май!

— А кем же еще я могу быть?!

— Но секунду назад я разговаривал с мини-Май.

— С кем? — Она озадаченно посмотрела на него.

— Смотри, она прямо ту...

Он снова повернулся к ребенку с рюкзаком.

— Ха...

Ее нигде не было видно. Он посмотрел налево, потом направо, потом развернулся на 360 градусов, сканируя весь пляж. Никого.

Крошечные следы все еще были на песке. Они закончились там, где она стояла, прямо рядом с ним. Никаких следов, ведущих в другую сторону.

Она как будто растворилась в воздухе.

— Вот черт...

— Сакута?

— Май, по пути ко мне ты видела маленькую девочку с красным рюкзаком?

Когда Май позвала его, то была в добрых девяти метрах от него. Она должна была все видеть.

Но он чувствовал, что не получит ожидаемого ответа. Ее недоумение ясно говорило об этом. С момента ее появления разговор совсем не ладился. Но он должен был убедиться.

— Нет, нет, — ответила она в недоумении.

Мда. Это было последнее, что он хотел услышать.

— Ты уверена?

— Ты был один, когда я пришла на пляж и потом заговорила с тобой.

Ответила без колебаний и максимально подробно. И говорила правду, как ее видела. Ей ни к чему что-либо скрывать.

— Что происходит? — нахмурилась она.

— Я ждал тебя, и тут подбежал ребенок, прямо как ты в детстве. Такая же высокая девочка.

Он провел рукой чуть выше талии.

— Ты уверен, что это была я?

— Ну, настолько, насколько могу быть уверен.

Не то чтобы он точно помнил, как она тогда выглядела.

— Но она исчезла, когда ты пришла сюда.

Он обменялся парой слов с девочкой. Она точно не казалась иллюзией.

Он снова осмотрел пляж. Май тоже. Нигде не было маленьких детей с рюкзаками.

— Это «Подростковый синдром»? — спросила Май.

Сакута оглянулся, подошел достаточно близко, чтобы дотронуться до нее, и посмотрел прямо в

глаза.

— Ч-что?

— У тебя все в порядке, Май? Что-то не так?

Он положил руки ей на плечи, ощущая ткань школьной формы. Провел ладонями до локтей, как бы обводя контуры, и тут его ногу пронзила острая боль.

— Ай, ай! Май, больно же!

Она ударила его каблуком.

— Не гладь людей по рукам без предупреждения! — огрызнулась она, отталкивая его руки.

— Я должен был сделать это на ощупь? Ой-ой-ой!

Снова скрежет.

— Я в полном порядке, — сказала она. — Нет ничего необычного.

Как будто она понятия не имела, почему он беспокоится.

— Я могла бы спросить тебя о том же, — добавила она, бросив на него обеспокоенный взгляд.

— Ну, у меня болит нога.

— Я серьезно.

Она пошевелила ногой, но вместо этого ущипнула его за щеку.

— У меня тоже нет ничего такого, что могло бы запустить «Подростковый синдром». Кроме экзаменационного стресса и усталости, наверное.

Он искоса взглянул на нее, совершенно очевидно с намеком.

— Так ты обвиняешь меня?

— Никогда! Вот он я, пытаюсь поступить в тот же университет, что и ты, ради тебя! И я просто

подумал, что, возможно, заслуживаю награды.

— Университет — это для тебя, Сакута, — вздохнула Май.

Затем, словно он не оставил ей выбора, она протянула ему мобильный телефон. Он уже был включен в режим камеры. Когда море оказалось позади них, она прижалась к его плечу.

Это был повод для селфи?

— Надо отметить это событие.

— Хорошо, тогда, — сказал он и вытянул руку, чтобы в кадр попали они оба и Эносима в дальнем углу, — скажи «сыр»!

Но, нажав на кнопку спуска затвора, он почувствовал что-то мягкое на своей щеке. До него донесся сладкий аромат. Мгновение спустя он услышал щелчок фотоаппарата.

Потом все закончилось и Май выхватила телефон. Она подняла экран с фотографией, в ее глазах светилось веселье. Это ликование от удачного розыгрыша невозможно перепутать ни с чем.

Он наклонился через ее плечо и увидел собственное лицо, на котором был запечатлен испуганный поцелуй в щеку. Это выглядело великолепно. И он ничуть не возражал. Слегка покрасневшая Май была слишком очаровательна, чтобы остальное имело какое-либо значение.

— Сотри эту ухмылку со своего лица.

— Если эта фотография когда-нибудь станет известна, интернет сойдет с ума.

— Мне удалить ее прямо сейчас? — спросила Май, отходя подальше от прибора.

— Сначала распечатай ее и дай мне копию, — сказал Сакута, догоняя Май.

— Никогда.

— Оу.

— Ты повесишь ее себе на стену.

— И что?

— Если Каэдэ увидит, от стыда помру.

— Серьезно?

— Еще как.

Судя по ее тону, на этом тема была исчерпана. Но, когда они подошли к лестнице, ведущей с пляжа, она взяла его за руку. Почти. Держалась только за безымянный палец и мизинец.

Они стали подниматься.

— Это напомнило мне кое о чем, Сакута.

— М-м?

— Есть кое-кто, с кем я хотела бы тебя познакомиться.

— С кем и когда?

— Сейчас.

Она проигнорировала первый вопрос.

Когда они достигли вершины, загорелся зеленый свет. Пешеходные светофоры на шоссе 134, как известно, вечно остаются красными, поэтому Сакута двинулся к переходу, но Май остановила его.

— Сюда, — указала она, потянув его вправо, к парковке с видом на океан.

Летом пляжники полностью заполняли эту стоянку, но сегодня было 1 марта, и из-за затянувшегося зимнего холода она была практически безлюдной.

Тут и там стояло всего несколько машин.

Кто-то стоял рядом с темно-синим гибридным автомобилем. На ней был темный жакет и узкая юбка ниже колен. Определенно официальный вид, почти строгий костюм. Как у матери на выпускном вечере дочери. Именно ею она и была.

Когда Сакута и Май приблизились, она заметила их. Ее взгляд остановился на Сакуте. Тот сразу же занервничал.

Он уже видел эту женщину.

Мать Май скрестила руки в ожидании.

Стальной блеск зажегся в ее глазах.

Ему не дали времени подготовиться. Его застали врасплох.

Сакуте сказали, что она просит о встрече, но он бы предпочел знать заранее, что это произойдет сегодня. Зная Май, она, скорее всего, специально утаила эту информацию.

Май явно не собиралась отпустить его руку и осторожно потянула к матери.

И он увидел, как глаза матери опустились, принимая это к сведению.

— Это мой парень, Сакута Азусагава, — сказала Май и повернулась к нему. — Это моя...

— Я ее мать.

— Сакута Азусагава. Уверю вас, у нас все очень целомудренно.

Он склонил голову.

— Я в курсе. Я попросила своих людей проверить это, когда начался цирк в СМИ.

Ее тон был достаточно приятным, но слова слегка настораживали. Что именно расследовали «ее люди»? Странно, но он не стал возражать — именно так и должна вести себя мать Май Сакурадзимы. Ему показалось бы более странным, если бы она не присматривалась к нему. Любая мать знаменитости...

— Моя дочь заставила тебя пройти через многое.

— М-м?

Однако Сакуту застали врасплох, что было видно по его реакции. Но она и глазом не повела. Либо он ее не интересовал, либо она намеренно игнорировала его реакцию — выражение ее лица не менялось, и он не мог понять почему.

— Вы не заметили никаких репортеров, шныряющих вокруг? Вас никто не фотографировал?

— Насколько я знаю, нет.

Возможно, кто-то незаметно сделал несколько снимков, но он не мог говорить об этом уверенно.

— Хорошо, — сказала она с ноткой облегчения и посмотрела на часы. — Я лучше пойду.

Не дожидаясь ответа Май, она открыла дверь машины и села.

Прежде чем закрыть дверь, мать посмотрела на Май.

— Если берешь пример с меня, то ты не разбираешься в мужчинах. Не позволяй ему изменять тебе.

Из всего, что можно было сказать... Сакута не знал, что ответить.

— Не беспокойся, — сказала Май, даже не встречаясь с матерью взглядом.

— Ты очень уверена в себе.

— Я выбирала тщательно.

Она целый месяц проверяла его, после того как он пригласил ее на свидание.

— И хорошо его обучила.

Глаза Май устремились в его сторону. Он хотел было рявкнуть, но ее взгляд предупреждал не делать глупостей, поэтому он придержал язык. Лучшим способом доказать слова Май было не опозорить ее сейчас.

— Это ты так говоришь, но я готова поспорить, что ты используешь работу как предлог, чтобы оставить его на произвол судьбы.

Эта дама хорошо знала свою дочь.

— Ну... — Май вздрогнула. Но вскоре она оправилась. — Я стараюсь регулярно звонить, когда нахожусь на съемках.

Матери это не понравилось. Ее взгляд снова обратился к Сакуте.

— Могу я называть тебя Сакута?

— Пожалуйста.

— Она сложный человек, но постарайся обращаться с ней правильно.

— Хм...

И снова совсем не то, что он ожидал. Он предполагал, что она будет принципиально против их отношений, и не знал, что сказать.

— Я постараюсь? — успел сказать он, но она уже закрыла дверь, пристегнула ремень безопасности и завела двигатель, так что, скорее всего, даже не услышала его.

Она включила поворотник и отъехала, гибридный двигатель едва слышно шелестел.

Часть 2

Как только машина матери Май скрылась из виду, они пошли дальше пешком. Вернулись к светофору на шоссе 134. Конечно, тот не подавал даже признаков того, что скоро загорится зеленый.

Прошло целых две минуты, прежде чем они наконец смогли перейти дорогу. Еще двух минут хватило, чтобы добраться до станции Шичиригаханама, где они сели на поезд из Камакуры, идущий в Фудзисаву.

Поезд состоял из четырех вагонов, оформленных в ретро-стиле зелено-кремового цвета.

Было воскресенье, поэтому поезд был заполнен студентами и молодыми парами. Едва хватало места, чтобы стоять.

В этот день Май окончила школу Минехахара, и это была ее последняя поездка домой из школы. Казалось, она не сильно наслаждалась моментом, но по взгляду на океан через окна было ясно, что она даже не замечает, насколько переполнен поезд.

Сакута и Май почти не разговаривали во время пятнадцатиминутной поездки до конечной станции Фудзисава.

Когда они сошли, Май сказала:

— Это был последний раз.

Прозвучало немного тоскливо. Она ежедневно ездила на этом поезде в течение целых трех лет. И всегда могла поехать на нем снова, если бы захотела. Пока она жила в Фудзисаве, это было достаточно просто. Но, скорее всего, она больше никогда не будет ездить на нем так часто, как раньше.

Это было связано с окончанием школы.

Некоторые вещи менялись сами собой, а другие не менялись, но казалось, что меняются. Все зависит от восприятия.

— Лучше полюбуюсь на тебя в школьной форме, пока еще могу.

— Но ты же не любишь школьную форму.

— Важно то, что внутри.

Но очень обидно, если это действительно был последний раз.

— Ты, конечно, можешь попросить, но я никогда не надену для тебя форму.

— Если я что и попрошу надеть, то это будет костюм девушки-кролика.

Болтая, они последовали за потоком людей, выходящих из ворот и проходящих по мосту к станции JR.

Камакура находилась к востоку от Фудзисавы, а Чигасаки — к западу. Это означало, что на станции Фудзисава находится не только Энодэн, но и линия Токайдо и линия Одакю-Эносима. Значительная часть толпы пересеживалась на другие линии.

Сакута и Май вошли в южные двери станции Фудзисава JR, и миновав турникеты, вышли на северную сторону. Через магазин электроники они зашли в супермаркет.

Сакута толкал тележку, следуя за Май. Она выбирала продукты и бросала их в тележку. Хорошая говядина, колбаса, свежие овощи и различные морепродукты — тунец, лосось, кальмар и осьминог.

— Что собираешься готовить, Май?

В честь ее выпускного они запланировали пообедать у него дома.

— Это все еще секрет, — ответила она со сдержанным ликованием. Их шопинг-свидание было

восхитительным.

Расплатившись, они отправились домой и он взял большую часть пакетов.

Чем дальше они отходили от станции, тем меньше было пешеходов. Большие магазины уступали место магазинчикам, а те — жилым домам.

— О, слушай, Май, — начал Сакута.

— Да?

Он пытался набраться смелости, чтобы спросить.

— Когда ты помирилась с мамой?

Из того, что он знал, это не было размолвкой, которую можно легко преодолеть. Май не любила даже упоминать о своей матери.

Поэтому он был удивлен, что она пришла на ее выпускной. Поразительно, что Май разрешила ей присутствовать.

— Я и не мирилась.

Май смотрела вперед, ее тон был незаинтересованным.

— М-м?

Он растерялся.

— Я не помирилась с ней.

Он еще больше растерялся.

— Но она пришла на твой выпускной?

— Я не просила об этом.

Она становилась слегка раздраженной. Так было каждый раз. При одном упоминании о матери Май начинала нервничать.

— Тогда почему? — спросил он, повернувшись к ней.

Май заметила это и коротко взглянула в его сторону, затем уклонилась от его взгляда. Когда он не отвел взгляд, она вздохнула и нехотя объяснила: — Я ездила в Киото на съемки в прошлом месяце.

— Угу.

Середина февраля. Из-за этого им пришлось провести свой первый день святого Валентина порознь. Он хорошо помнил, как не получил шоколад.

— Там была девочка-актриса из ее агентства.

До сих пор она не называет ее мамой.

— Значит, твоя мама приехала в Киото с ребенком? — предположил он.

Май молча кивнула.

— Сказала, что девочка — моя поклонница. Привела ее в мою гримерку.

Она раздраженно поджала губы, заново переживая те эмоции.

— Я не могла скандалить с ней в присутствии ребенка... потом она выпытала у меня дату выпускного.

— Поэтому и появилась?

— Да. Хотя, честно говоря, я предполагала, что она будет слишком занята, чтобы прийти. Конечно, это оказалось не так, — добавила Май, чуть улыбнувшись.

Он никогда раньше не видел на ее лице такого выражения, когда она говорила о матери. Несмотря на ее протесты, она явно чувствовала себя немного более непринужденно — достаточно для того, чтобы посмеяться над собственными недостатками.

Что вызвало у Сакуты желание расспрашивать дальше.

— Ты все еще злишься на нее, Май?

— Несомненно, — огрызнулась она. Ей не нужно было думать над ответом, она нисколько не

колебалась. Но она как будто не упрячилась или настаивала на своем. Просто высказала свои чувства в нескольких словах. Тем не менее ее гнев казался гораздо более... сдержанным.

— Тот фотоальбом в младших классах. Я сказала, что не буду сниматься в купальнике, но она все равно заказала съемку. Я не прощу ее за это никогда.

Для Май это была простая констатация факта. Такое нелегко простить. Время не залечило рану и не сделало эту женщину чужой для Май. И поскольку она была мамой Май, боль не исчезнет так скоро. Это именно такая рана.

— Просто... многое произошло за последний год.

Май взглянула на него с намеком на теплоту. Сакута почувствовал, что знает, о чем она говорит. Но он хотел, чтобы она сказала об этом сама. Он не был актером, но изо всех сил старался притвориться невеждой.

Она сразу же раскусила притворство, но позволила ему победить.

— Мой приступ «Подросткового синдрома», встреча с тобой... и Сёко. Она, конечно, заставила нас пройти через многое, но в итоге я поняла, что действительно важно.

Ближе к концу ее голос стал совсем тихим, но он все слышал. Она предназначала эти слова только для его ушей.

— Моя обида на нее не прошла. Но есть вещи, которые значат для меня больше. И с ними... ну, обида просто кажется менее реальной, эмоции не такими сильными. М-м, звучит правильно.

Май немного помолчала, подыскивая нужные слова, но к концу речи явно их нашла. Он понимал ее, и то, что она сказала, помогло ему самому кое-что понять.

Эмоции не существуют сами по себе. Что-то хорошее поможет не так сильно заикливаться. Независимо от того, насколько сильно что-то ранит, требуется всего одно благословение, чтобы сделать возможным прощение. Как и сказала Май, сейчас для нее важны другие вещи.

Возможно, она не осознавала, но это было признанием того, что ее вендетта против матери также имела значение. И на какое-то время только она была важна.

— И еще... — начала Май, но тут же оборвала себя.

— Да? — Он подтолкнул ее взглядом.

Она долго смотрела на него, обдумывая сказанное.

— Та маленькая девочка, которую я встретила в Киото. Она была очень похожа на меня.

— Чем именно?

— Ее отец ушел из дома несколько лет назад, оставив их с матерью. И я немного пообщалась с матерью на каникулах...

— И что?

— Она сказала: «Без отца мы не совсем обычная семья. И я все делаю так, будто она особенная, чтобы она никогда не чувствовала себя плохо из-за этого».

— Хм.

Он не был уверен, как к этому относиться.

— Она также сказала, что я для них пример для подражания, и... Поэтому я сейчас и замолчала.

Май Сакурадзима на протяжении многих лет удерживала трон «актрисы номер один, которую вы хотели бы видеть своей дочерью». Она была абсолютным примером успеха, сильнее всего это затронуло матерей в семьях с детьми-актрисами. Май была особенной. И он понимал, почему та мама хотела, чтобы ее ребенок был таким же особенным. Любить своих детей — это именно то, что делали родители.

— Выслушав их историю и увидев, как ребенок пытается оправдать ожидания родителя... у меня просто не было сил критиковать ее мать. Они казались такими близкими, они так работали, чтобы достичь свои цели.

— А ты когда-то была такой же?

— ...

Она не подтвердила и не опровергла его слова.

— На самом деле я не помню, — в конце концов сказала она. — Я просто была очень занята. Голова кружилась, постоянно кружилась... Каждый день я заучивала реплики, репетировала, снималась, меня возили с места на место, потом она помогала мне готовиться к следующему рабочему дню. Так проходил день за днем. Мы спали в машине по дороге, дремали в гримерке

во время перерывов, неделями жили в отелях, не видя собственного дома...

— И она была рядом с тобой на каждом шагу? Твоя мама — это нечто.

Май могла спать в машине, но мать, очевидно, была за рулем. Когда она спала? Май могла вздремнуть в комнате отдыха, но мать находилась там в качестве менеджера и не могла просто лечь и закрыть глаза.

Но он заработал суровый взгляд из-за своих слов.

— На чьей ты стороне?

— На твоей, конечно.

— Отлично. Мы больше не будем об этом говорить.

Она ускорила темп, поспешив вперед. Он старался не отставать.

Не глядя на него, она добавила:

— Я не думала, что готова принять это.

— Что принять?

— Принять, почему мать хочет, чтобы ее дочь была особенной.

Очевидно, Май только закончила говорить об отношениях с собственной матерью; тема в целом была все еще актуальна.

— Мой отец сказал, что я пойму чувства родителей, когда у меня самого будут дети, — сказал Сакута.

Вероятно, он имел в виду, что это невозможно до тех пор, пока это не произойдет.

— Может быть, он прав. Но вернемся к теме. Я все еще ненавижу ее. Но ради будущего... я бы хотела попытаться это исправить.

— Какого будущего?

— Если у меня будет своя семья, мне нужно знать, как быть семьей, — сказала Май, слегка покраснев.

— Ты будешь самой лучшей женой на свете. Я уверен, что у нас все будет хорошо.

— Будем надеяться.

— О? Даже не ругаешь меня за то, что я представляю нас молодоженами?

— Приберегу на тот случай, если ты представишь себя с кем-то другим.

Она сделала несколько танцевальных па и повернулась к нему лицом. Они вышли на улицу рядом со своим домом.

— Май.

— Да?

— Можешь подержать на секунду?

Он поднял пакеты с продуктами.

— Но мы же дома?

— Я хочу обнять тебя, но не могу, у меня руки заняты.

Это было естественное желание после настолько очаровательного зрелища. Май могла винить только себя.

— Я не хочу, чтобы кто-то делал снимки для таблоидов.

Она развернулась и помахала тубусом через плечо.

— Я приду около четырех.

С этими словами она вошла в двери своего дома и вскоре скрылась из виду.

Не стоит стоять на улице в одиночестве. Сакута зашел в здание напротив, проверил пустой почтовый ящик и поднялся на лифте на пятый этаж.

Он отпер дверь и шагнул внутрь.

— Я дома! — объявил он, проходя в гостиную.

Каэдэ сидела у котацу с открытым ноутбуком. Она подняла голову и поздоровалась.

Он поставил пакеты с продуктами на кухне и направился в свою комнату, чтобы переодеться.

Он бросил рюкзак на кровать и снял школьную форму. Блейзер, брюки, белая рубашка. Под ней была футболка, он снял ее и носки, оставшись в одних трусах.

Повернувшись к шкафу, чтобы взять что-нибудь из одежды, он мельком увидел себя в окне и только тогда заметил, что что-то не так.

— ?..

Что-то, чего быть не должно.

Ему не показалось.

Он повернулся лицом к оконному стеклу.

Там был он, великолепный, в одних трусах. Через весь живот протянулся шрам, похожий на трещину в асфальте. Одиночный след от когтей тянулся через весь правый бок до пупка. Белый и припухший струп уже пропал.

— Что за?..

Но никто не мог ответить на этот вопрос.

Он посмотрел вниз. Шрам было видно очень отчетливо.

Часть 3

Сдержав слово, Май позвонила в домофон ровно в четыре.

— Это Май, да? Я отвечу.

Прежде чем Сакута успел сказать «нет», Каэдэ нажала кнопку. Она сама подошла к двери и

привела Май в гостиную. Наверное, ему следовало радоваться, что его печально известная своей застенчивостью сестра стала более открытой, но она словно отбирала у него работу.

— Май, это так здорово, что ты закончила школу!

— Спасибо, Каэдэ.

Каэдэ все еще чувствовала себя немного напряженно, поэтому Май вела себя с ней очень мило.

Май принесла с собой большую сумку, чересчур большую для человека, который просто пришел на ужин.

— С ночевкой? — спросил он, решив, что мужчина может помечтать. А вдруг сказанное станет реальностью.

— Не глупи, — насмешливо ответила она.

— По-моему, давно пора перестать придуриваться.

Они начали встречаться прошлым летом. Прошло два полных сезона, и уже наступила весна. Больше шести месяцев!

— Ш-ш-ш, Каэдэ слушает, — предупредила она.

— Вот именно, Сакута! — сказала Каэдэ с очень похожим на коровий стон звуком. Похоже, сестра равнодушна к черно-белым животным.

— Я принесла учебные пособия, чтобы помочь тебе с экзаменами, Сакута!

Май вытащила из сумки стопку книг и всунула ему в руки. Он не собирался спорить, так как взял за правило принимать от Май любые подарки.

— Ах, еще вот это.

Она достала пластиковый футляр DVD. Слово «Коконоэ» виднелось на корешке. Это была дебютная роль Май Сакурадзимы, утренняя мыльная опера, которая сделала ее суперзвездой.

На экране шестилетняя Май плакала навзрыд, ее тело сотрясали рыдания, она бежала и падала, вкладывая всю душу в эмоции на экране.

Каэдэ явно не могла оторвать от нее глаз. Сначала она восклицала: «Май, ты потрясающая!» или «Ты была такой милой!», но вскоре сюжет и исполнение захватили все ее внимание, лишив способности говорить. Она была полностью сосредоточена на экране, даже не осознавая, что ее челюсть отвисла. Каэдэ смеялась и плакала вместе с каждым персонажем.

Ей было всего три года, когда фильм вышел в эфир, и она его еще не видела. Сам Сакута помнил только пару сцен. На момент выхода он вроде бы не смотрел этот фильм, так что, скорее всего, видел основные моменты при монтаже ее работ.

— Сакута, сможешь мне?

Повернувшись, он увидел, что Май надела фартук и махала ему рукой из кухни.

Он оставил телевизор и пошел помогать ей приготовить ужин. Все же это был выпускной вечер, поэтому несправедливо заставлять почетную гостью делать всю работу.

— Нарезь их, — сказала она, протягивая ему упаковку сосисок.

Он взял нож и сделал три надреза на каждой сосиске, чтобы они не распались во время приготовления.

— Ну как? — спросила Май, взглянув на экран.

— Я думаю, сейчас ты намного симпатичнее.

— Я знаю, — ответила она, слегка наступив ему на ногу. Это означало «будь серьезным». Она не для того принесла DVD, чтобы он мог сравнивать.

Она привезла его из-за девочки, которую он встретил на пляже в Шичиригахаме.

— Они похожи. Один в один.

Он сразу понял это в тот момент, когда начался фильм. Как только он увидел фотографию на обложке. Юная Май выглядела точно так же, как та девочка с рюкзаком.

— О.

— Но именно это и странно.

— Что странно?

— Они слишком похожи. Вплоть до манеры общения.

Ему потребовалось некоторое время, чтобы понять это. Но чем больше он наблюдал, тем сильнее сходства бросались в глаза.

Маленькая Май определенно была Май, но она играла, так что в некотором смысле это была не она. Это была не настоящая Май, а девочка, играющая роль. Поэтому, даже если она выглядела собой, роль должна была вызывать расхождения в жестах и выборе слов, указывать на то, что у них разные характеры. И все же он не мог найти ничего необычного.

— У меня такое чувство, что девочка, которую я встретил, — это ты в фильме.

Это было лучшее, что он мог сказать.

— В этом еще меньше смысла, — сказала Май, держа в одной руке лук.

Она была права. На самом деле это ничего не прояснило. Возможно, даже сделало все только таинственней.

— Подожди, и это все? — спросила Каэдэ. Воспроизведение DVD остановилось, и открылось меню. — Май, у тебя есть остальное?

Сама история еще не была закончена. Каэдэ обернулась к Май, желая посмотреть продолжение.

— Извини, у меня под рукой была только первая часть. Наверняка у Нодоки есть остальное...

— У айдола сискона уж точно есть.

— Надо будет спросить у нее, — сказала Каэдэ, аккуратно убирая диск обратно в футляр. — Жаль, что она не смогла прийти сегодня.

Нодока очень хотела приехать, но время совпало с туром «Сладкой пули». Скорее всего, сейчас она была на сцене где-нибудь в Ниигате, и ее светлые волосы развевались под крики поклонников «Дока-а-а!»

— Ты очень сблизилась с ней, Каэдэ, — заметила Май, улыбаясь. Похоже, она была рада видеть, что Каэдэ возвращает утерянное. А может быть, она просто рада, что их младшие сестры подружились.

— Она много помогала мне с учебой, пока я определялась с планами на старшую школу.

Это была огромная помощь. Прическа и броский макияж Нодоки скрывали за собой серьезные мозги, и она не только хорошо училась, но и прекрасно преподавала. Она помогла Каэдэ пройти через многое, и вполне естественно, что они сблизились.

Пока эти мысли проносились в голове Сакуты, на кухню вошла Каэдэ и окликнула его.

— Что?

— Я тоже хочу помочь.

— Тогда нарежь для меня лук, — попросила Май.

— Хорошо.

— Ой, я хотел помочь Май один.

— Сакута, когда закончишь, промой рис.

К сожалению, его слабая надежда вскоре развеялась.

Следуя указаниям Май, Сакута и Каэдэ приготовили все необходимое для вечера суши. Но это были не просто суши — в центре стола стояла горячая плита, на которой жарились мясо и сосиски, которые потом добавлялись в роллы. Именно для этого Май купила разнообразные морепродукты и овощи.

Во время еды шел оживленный разговор, и пока троица хвасталась удачно сделанными роллами, они не успели оглянуться, как уже все съели.

После ужина они расслабились с чаем в руках, разговаривали, смотрели телевизор, сравнивая настоящую Май с той, что была в рекламе.

Сакута занялся посудой, пока Май играла с Насуно. К тому времени было уже девять, и он, как всегда, пустил воду в ванну.

Когда ванна наполнилась, Каэдэ отправилась купаться и Сакута с Май наконец-то остались вдвоем.

Но настроение было совсем не подходящее, чтобы лежать на кровати.

Они расположились по разные стороны от низкого складного столика. На нем лежала тетрадь, заполненная английской лексикой и написанная почерком Сакуты. Май проверяла ее, вооружившись ручкой с красными чернилами. Она дала ему тест, чтобы проверить, выполняет ли он ежедневную норму запоминания слов.

Перед этим она со значением сказала: «Твоя комната», и вот что он получил за свою надежду.

Что ж, в результате его усилия окупились, и он набрал 90% правильных ответов. Неплохо. Он занимался в перерывах на работе и в школе, а также во время поездки. Май, вероятно, скоро скажет ему что-нибудь приятное.

Но, закончив проверять, она не выглядела довольной.

— Приемлемо, — сказала она, каким-то образом умудрившись звучать разочарованно.

— И какой балл мне нужен, чтобы заслужить твое одобрение?

Хорошо бы иметь четкую цель.

— Сто процентов.

Не особо осуществимо.

— Оу.

— Запомнить столько — само собой разумеющееся. Это базовый словарный запас.

Она явно констатировала очевидное. Спорить было не о чем. Май относилась строго к себе и другим. Но Сакута знал, что с ним она, как правило, была помягче. Иногда, может быть, даже слишком.

— Я знаю, что Каэдэ сильно отвлекала тебя, но ты, очевидно, не позволил этому помешать учебе.

За кнутом последовал пряник.

— Полагаю, ты заслужил небольшую награду.

— Заслужил?!

Он приподнялся со своего места.

— У тебя есть что-то на примете? — спросила она.

— Вообще-то сначала... ты должна кое-что увидеть.

Это было важно, и он в любом случае уже стоял, поэтому быстро скинул толстовку, в мгновение ока оказавшись голым по пояс.

— Что? Я сказала небольшую!

Май отвела глаза в сторону, ее лицо ярко покраснело. Но все же она продолжала смотреть на него и вскоре заметила отметину сбоку.

— А?..

Искреннее удивление.

— Что? Что это? — спросила она, став очень серьезной.

Бледный припухший шрам на боку Сакуты, безусловно, настораживал.

— Понятия не имею, — ответил он.

— С каких пор?

— Его не было, когда я одевался сегодня утром. Обнаружил, когда пришел домой и переоделся.

Май поднялась на ноги и обошла стол.

— Дай мне рассмотреть, — потребовала она. Ее пальцы пробежались по шраму, погладив кожу.

— На этот раз никаких странных звуков!

— Я только сейчас понял, что не чувствую твоих прикосновений.

— А сейчас?

Она потерла немного сильнее, но он опять ничего не почувствовал.

— Ну вот, ты наконец прикасаешься ко мне, а я даже не чувствую!

— Не делай ситуацию странной.

— Я правда предпочитаю чувствовать твои прикосновения, а не пустоту.

Она скорчила гримасу и отдернула руку.

— Это как-то связано с мини-мной с пляжа?

Сакута не видел никакой связи, поэтому не мог сказать наверняка. Но когда две странные вещи происходят в быстрой последовательности, вполне естественно заподозрить связь. Совпадение по времени кажется неслучайным.

Май подняла толстовку и протянула ему.

— Надень, пока не простудился, — сказала она.

Он сделал, что было велено, и сел обратно на подушку. Когда их взгляды встретились, он уловил проблеск ее тревоги.

— Все будет хорошо, я уверен.

— С чего бы? — спросила Май, усаживаясь напротив и не отводя взгляд. Он чувствовал ее беспокойство.

— Что бы ни случилось, у меня есть ты, — сказал он, удерживая ее взгляд. — Ты — все, что мне нужно, Май.

— Ах, да, — улыбнулась она. Но затем, внимательно наблюдая за его лицом, добавила: — И Сёко больше нет рядом.

Это было подло.

Она не позволила ему управлять разговором, потому что прекрасно понимала: он просто пытается подмаслить ее, чтобы она была с ним помягче. И она знала, как ему противостоять.

Когда он ничего не ответил, она усмехнулась, как будто выиграла, а затем сказала:

— Это мне напомнило вот что.

Потянувшись к своей сумке, она достала сценарий.

Еще одна новая съемка? Он приготовился к плохим новостям, но вместо этого она вытащила клочок бумаги, зажатый между страниц, и положила сценарий обратно в сумку.

— Это для тебя, — сказала она, протягивая бумагу через стол.

— Что это?

Это было похоже на тетрадный лист, сложенный пополам.

— На удачу.

— Как талисман?

— Да.

Она слегка покраснела, но объяснений не последовало.

Неужели она нарисовала свой собственный талисман?

Озадаченный, он развернул лист бумаги.

Это был официальный бланк с графами для имен в верхней части.

А вверху было написано: «Заявление о заключении брака».

— Хм...

Ему потребовалось мгновение, но это явно был не стандартный бланк. Поля разных оттенков синего, а внизу страницы рисунок яхты, плавающей у берегов Эносимы.

— Я посетила дневное шоу, и у них была тема, посвященная заявлениям о браке в конкретной местности, — скороговоркой произнесла Май.

Если здесь нарисована Эносима, то должна быть и версия с Фудзисавой.

— Они дали мне копию, в общем-то, в шутку, зная, что я здесь живу. «Пригодится, когда вы с парнем соберетесь связать себя узами брака», — сказали они.

Она говорила так, будто это вина Сакуты. На ее лице появился намек на «сердитого ребенка». Обычно это был признак того, что она пытается скрыть смущение.

— Другими словами, я не ходила в бюро лицензий и не заказывала его сама.

Это явно был важный момент.

— Эм, Май...

— Да? — откликнулась она, мгновенно став очень настороженной.

— Ты не указала на нем свое имя.

Прекрасный бланк, но, к сожалению, пустой.

— Я думаю, это удвоит его эффективность как талисмана, — настаивал он.

— Только имя, — прошептала Май и выхватила у него бланк.

Она повернула его к себе и написала «Май Сакурадзима» в графе невесты. Безупречный почерк. Сакута внимательно наблюдал за ней, а она ерзала, словно его взгляд щекотал ее.

Затем бланк вернулся к нему.

— Теперь ты доволен?

— Мой день рождения в следующем месяце. Десятого.

Десятое апреля, чуть больше месяца.

— Я знаю.

— О? Я упоминал?

— Я спросила Каэдэ.

Сакута не знал, когда у Май день рождения, и она не собиралась повторять его ошибку. Он сделал вид, что не заметил этого, взял шариковую ручку и написал «Сакута Азусагава» в графе жениха. Он не мог припомнить, чтобы когда-нибудь в жизни писал свое имя так аккуратно.

— Это значит, что мне почти восемнадцать.

— Тогда обязательно сходи проголосуй.

— Я также могу нанести визит в бюро лицензий.

— Если ты подашь документы в одиночку, я буду в ярости.

Восемнадцать лет считалось здесь законным брачным возрастом.

— Кажется, это небольшая цена.

— Тогда еще я порву с тобой.

— Оу.

— Я бы предпочла, чтобы мы пришли вместе.

Она посмотрела на него сквозь полуопущенные ресницы, подчеркивая свою точку зрения. Это было слишком мило, чтобы спорить.

— Тогда держи, — сказал он, аккуратно складывая заявление. — Возможно, я не смогу устоять.

— Но если оно будет у меня, то не принесет тебе удачи.

— Это заявление на брак с нашими именами! Я думаю, если ты постоянно будешь его держать при себе, это будет лучшим для него применением.

— Ну, если ты настаиваешь... но я не буду носить его с собой.

— Оу. Это не принесет пользы ни одному из нас!

— Ладно, ладно. Я постараюсь держать его поближе.

Май явно вернулась к своему обычному поведению. Она снова достала сценарий и аккуратно положила бланк между страницами.

— Пока что мне нужно завтра поговорить с Футабой о новом шраме и девочке на пляже.

— Да, это, наверное, будет лучше всего. Но сначала...

Не вставая Май приподняла бедра и обогнула стол, придвинувшись вплотную к Сакуте.

— Май?

— Покажи мне его еще раз.

Он не стал тратить время на ответ. Толстовка исчезла.

— Ты мог просто приподнять ее, знаешь ли.

Но она уже была снята, так что спорить было поздно.

— Это не похоже на прошлый раз, — сказала она, ее лицо было совсем близко к его коже.

Он чувствовал ее дыхание на своем боку. Было щекотно, но если бы он что-нибудь сказал, она бы отодвинулась. Он поборол желание хихикнуть.

— Предыдущие шрамы были больше похожи на рубцы.

Как порезы, которые потом заживали. Нынешний скорее напоминал большую царапину, которая образовала струп, но струп уже отпал. Предыдущие шрамы походили на ожоги, но этот был бледнее.

Но когда они вдвоем в его комнате, а Май так близко к нему, шрамы не имеют особого значения.

Она была так близко, что стоило ему только протянуть руку, и она оказалась бы в его объятиях. Он был без рубашки, но она приблизилась вплотную. Он почти чувствовал ее тепло в воздухе.

— ...

Сладкий аромат не оставлял его в покое.

— Почему ты замолчал?

Май подняла голову, нахмурившись. Их глаза встретились, и ее длинные ресницы дважды моргнули. Она была мила издалека, но еще милее вблизи.

— Это по твоей вине, — сказал Сакута.

— ?..

— Хочу сказать, что нас только двое, мы наедине.

— ...

Она уловила его мысль и уклонилась от ответа.

— Справедливо... Может, мне не стоит тебя заводить.

Голос Май звучал не совсем убежденно.

— Май?

— А Каэдэ ведь скоро выйдет из ванной.

— И что?

— Просто поцелуй... — сказала она, и ее глаза снова обратились к нему.

Глаза Май закрылись.

Одна ее рука лежала на полу, и он положил сверху свою. Она задрожала. Но ее рука повернулась, пальцы переплелись с его пальцами.

Он наклонился ближе.

И тут зазвонил телефон. Городской телефон за его дверью — громкое эхо в гостиной.

— Это тебя. — Губы Май шевелились, но глаза оставались закрытыми.

— Совсем не вовремя.

Он крепче сжал ее руку и придвинул лицо ближе.

— Сакута! Телефон! — крикнула Каэдэ из раздевалки. Она явно вышла из ванны и слышала звонок.

— Ты можешь ответить? — крикнул он в ответ.

— Аргх! — проворчала она, но он услышал, как она топает в сторону гостиной.

«Наконец-то все угрозы устранены», — так он подумал.

— Сакута! Это папа! — крикнула Каэдэ.

— ...

— ...

К этому моменту накал страстей уже давно рассеялся. Май прочистила горло и отстранилась.

— Надень, — сказала она, явно немного разочарованная, и протянула ему толстовку.

Он оделся и направился в гостиную, где обнаружил Каэдэ, машущую ему рукой, чтобы он поторопился. На ней было только банное полотенце, едва ли приличное. С волос все еще капала вода.

— Так ты простудишься.

— И кто в этом будет виноват?!

Она надула щеки и сунула ему в руки телефон.

— В чем дело, пап?

Пока он отвечал, Каэдэ поспешила обратно в раздевалку. Она оставляла за собой мокрые пятна. Насуно прошла мимо, старательно избегая их. Умная кошка, позаботилась о том, чтобы предотвратить вторичную катастрофу.

— Это насчет твоей мамы.

Голос на линии звучал напряженно.

— Хорошо... — сказал Сакута, собираясь с духом.

— Они разрешили ей восстанавливаться дома.

— О. Хорошо, ей становится лучше.

— Да. И когда я рассказал ей о Каэдэ... она сказала, что хочет ее увидеть.

— Мама так сказала?

Как будто речь шла о ком-то постороннем. Они не меняли тему. Но Сакута все равно спросил, потому что прошло целых два года с тех пор, как эти слова стали вообще возможны. Теперь подтверждение было просто рефлексом.

— Да. — Он даже расслышал кивок в голосе отца.

— О.

Он перевел взгляд на дисплей. На нем отображался номер мобильного телефона отца.

— М-м.

— Хорошо. Да.

Сакута почувствовал на себе взгляд и поднял голову. Каэдэ была в пижаме и сушила волосы полотенцем.

— Что случилось с мамой? — спросила она.

Она подслушала достаточно, чтобы понять, о ком идет речь. Ее взгляд выражал смесь любопытства, сомнения и беспокойства.

— Подожди секунду, пап.

— Конечно.

Сакута убрал трубку от уха и повернулся к Каэдэ.

— Эм, Каэдэ...

— Ч-что?

Май вышла из его комнаты, явно заинтригованная. Он видел, как она маячит за спиной Каэдэ,

но все внимание сосредоточил на сестре.

— Ты хочешь увидеть маму?

Ее глаза расширились.

— Да, — сказала она, как будто ответ был очевидным. — Я хочу пойти к ней.

Затем она повторила еще раз, как бы перепроверяя, что чувствует на самом деле:

— Я хочу снова увидеть маму.

Она кивнула сама себе, и Сакута снова поднес телефон к уху.

— Пап.

— Я слышал...

В голосе отца звучали слезы, но Сакута не собирался обращать на это внимание.

— Хорошо, — сказал он.

Это все, что им сейчас было нужно.

Часть 4

— Странно, — сказала Рио. — Я не думала, что ты педофил.

Вот что он получил за то, что рассказал ей о реальной встрече с мини-Май из своего сна.

— Я не педофил!

Сакута сел на табурет, застегивая пуговицы на рубашке (он снял ее, чтобы показать шрамы).

Это был день после выпускного, понедельник 2 марта. За день до Хинамацури*.

[П/П: Хинамацури, Праздник девочек или Праздник кукол — один из главных праздников в Японии, который отмечается 3 марта.]

Занятия закончились, на поле за окнами кричала бейсбольная команда. Типичные послеобеденные звуки. Накануне прошла церемония вручения дипломов, но сама школа была в обычном состоянии. Без третьегогодок все ощущалось немного тише, но не настолько, чтобы чувствовать себя необычно.

Сакута, как всегда, пришел в школу, как обычно, сходил на уроки, и, как он часто делал, заглянул в научную лабораторию.

Третьегодки почти не приходили в школу с тех пор, как в феврале началось факультативное посещение, так что он привык к их отсутствию. Он вообще не общался ни с кем из них, кроме Май, так что их окончание школы не произвело на него особого впечатления.

— ...

Пока Рио приводила мысли в порядок, Сакута изо всех сил старался не отвлекать ее и в результате безразлично уставился на пузырьки на стенках стакана. Пламя спиртовой горелки колыхалось от его дыхания.

Когда вода закипела, Рио молча закрыла крышку, погасив пламя.

— Судя по ситуации, можно предположить, что причина кроется в тебе или Сакурадзиме.

Рио помешала кофе в кружке стеклянной палочкой, затем добавила молоко, с предвкушением наблюдая, как оно бурлит. Она сделала глоток и поставила кружку обратно на стол. Подняла глаза, сканируя его лицо в поисках подсказок. Проверяла, есть ли у него идеи, почему один из них вернулся в режим «Подросткового синдрома».

— У меня самая симпатичная девушка в мире, так о чем же мне беспокоиться?

Единственной трудной частью была учеба, над которой он сидел ради исполнения ее желания.

— Так ты думаешь, дело в ней?

— Не то чтобы она знала об этом. Она и ее мама не очень ладят, поэтому я предположил, что дело в этом, но...

— Но что-то подсказывает, что это не так?

— Видимо, они делают обоюдные маленькие шаги к исправлению ситуации.

Накануне Май добровольно познакомила Сакуту со своей матерью.

Она говорила так, будто ее проблемы с ней никуда не делись, но ему казалось, что с течением времени ситуация медленно исправляется в правильном направлении.

Конечно, неприязнь между ними, вероятно, никогда не исчезнет полностью.

Но она не казалась столь непреодолимой, чтобы вызвать «Подростковый синдром».

У Май хватало сил справляться с эмоциями, которые выплескивала ее мать, она осознавала свои переживания и пыталась смягчить конфликт. Это как переход от абсолютно черного и белого к оттенкам серого.

Сакута считал это хорошей новостью и, вероятно, единственным реальным решением, на которое они могли рассчитывать.

Май прекрасно знала, что отношения с матерью никогда больше не будут чистыми, простыми и ясными. Она приняла это, как и естественные последствия. И именно поэтому Сакута считал, что с ней все будет в порядке.

— Значит, проблема в тебе?

— Как я уже сказал, нет.

— Возможно, ты боишься быть счастливым?

Рио сделала глоток кофе. Она не казалась такой уж обеспокоенной.

— Ты действительно думаешь, что это может вызвать «Подростковый синдром»?

— Почему бы и нет. В сердцах людей таятся всевозможные страхи. Логично предположить, что некоторые боятся потерять то, что имеют.

Рио покачала головой, как будто подобное никогда с ней не случалось.

— Но я планирую стать еще счастливее, так что мне нечего бояться.

— Оптимистично, — сказала она, но с намеком на улыбку; в ее колкости не было настоящей злости. Возможно, она чуть-чуть удивилась, но, очевидно, желала ему всего наилучшего.

— Но есть еще один ребенок, похожий на Сакурадзиму, — подытожила Рио, возвращая разговор в прежнее русло. Она выглядела слегка встревоженно.

— М-м?

— Только ты видел ее.

— Да.

— Сакурадзима была там, но не видела ее?

Она действительно пыталась прояснить ситуацию.

— Верно, — кивнул Сакута.

— Если это значит, что они не могут одновременно существовать или восприниматься, то Сакурадзима и девочка с рюкзаком как-то связаны судьбой.

— Например, как мы не могли наблюдать вас обоих одновременно, Футаба?

— Или как мы никогда не видели большую и маленькую Сёко вместе.

— А-а-а-а...

— И я понятия не имею, как это связано с новым шрамом у тебя на боку, Азусагава.

— Ты была моей единственной надеждой.

— Если ты хватаешься за соломинку, может, посоветуешься с Сёко?

— Полагаю, это один из вариантов действий.

— В конце концов, у нее есть воспоминания о многих возможных вариантах будущего.

— Вот почему я не хочу спрашивать.

— Потому что она улетела на Окинаву, не предупредив тебя?

— Да.

Если она намеренно не сказала об этом, значит, оно просто не стоило упоминания. Нечто столь незначительное, что он определенно смог бы справиться с этим сам.

Но если это было не так и Сёко никогда не сталкивалась ни с чем подобным за всю свою жизнь, тогда ему точно не стоит спрашивать. Это только заставит ее волноваться.

— Макинохара занята тем, что живет своей лучшей жизнью.

И он не хотел вмешиваться.

— Она заслуживает быть счастливее всех.

— Разве можно ставить ее выше Сакурадзимы?

— Мы с Май будем самыми счастливыми вместе.

Они обещали, что так и будет. В противном случае Сакута все равно сделал бы их счастливыми.

— Тогда сейчас не время получать такие странные шрамы.

— Я знаю!

Он посмотрел на часы над школьной доской.

Было почти четыре.

— У тебя свидание? — спросила Рио.

— Что-то вроде этого.

Он встал и закинул на плечи рюкзак.

— Не жульничай слишком часто, — посоветовала Рио.

И с этим напутствием Сакута покинул научную лабораторию.

Часть 5

Когда он уходил, было еще светло. Всю зиму в этот час небо на западе уже становилось красным, а сейчас оно было голубым, предвещая смену времен года. Сакута пешком добрался до станции Шичиригахана.

Он подъехал как раз в тот момент, когда поезд только остановился, заскочил на него и отправился обратно в Фудзисаву.

Смешавшись с экскурсантами среднего возраста, иностранными туристами, студентами и детьми с рюкзаками, он прошел через турникеты и направился по мосту к станции JR.

На площади перед магазином электроники выступал двадцатилетний парень. Вокруг него столпились школьники. Старшеклассницы, шедшие перед Сакутой, болтали о том о сем.

— Кавер Токо Киришимы?

— Он хорош.

— Давайте остановимся и послушаем.

Они присоединились к остальным.

О Токо Киришимае ему рассказывала Май. Похоже, очередная восходящая звезда. Все работы она создавала на каком-то видеосайте. Если ее так обсуждают на улице, значит, она точно вошла в высшую лигу.

Но у него были дела, поэтому он просто мимоходом взглянул на уличного музыканта и пошел дальше. У магазина электроники он повернул налево и спустился по лестнице.

Путь домой вел направо, но, как и предполагала Рио, у него было назначено свидание.

Ниже по улице он направился по дороге к ресторану, в котором работал.

Внутри симпатичная официантка с густыми короткими волосами поприветствовала его, но ее улыбка увяла, когда она разглядела посетителя.

— О, это всего лишь ты, сэмпай.

Томоэ Кога закатила глаза. Она была на год младше Сакуты.

— Сегодня я клиент, — сказал он.

— Я знаю. Твоего имени не было в списке сменщиков.

— ...

— Н-не надо!

— Что не надо?

— Не веди себя так, будто я специально проверяла твои смены. Мне просто было интересно, кто сегодня работает!

— Я ничего такого не имел в виду.

— Но в уме ты определенно отметил это странным.

— Ну, просто так делают мальчишки-подростки.

— Фу, ты такой противный.

Он говорил про всех, но она обвинила только его и посмотрела самым отвратительным взглядом.

— Я просто подумал, что ты сегодня очень милая, Кога.

— Ты можешь об этом думать, но не говори вслух!

— Тогда я и думать об этом не буду.

— Я сказала, что думать можно!

Пока они разговаривали, дверь позади него открылась.

Вошел еще один клиент.

— Добро пожаловать! Столик на одного? — спросила Томоэ, снова улыбаясь.

— Теперь уже на двоих, — сказала Мивако Томобэ, озорно подмигнув Сакуте.

Он сказал Томоэ, что встреча может занять некоторое время, и вскоре она нашла для них место у окна.

Они заказали напитки, а Мивако взяла несколько блинчиков. Пока она ела, они болтали о планах Сакуты поступить в университет и о том, как поживает Каэдэ. В общем, обычная светская беседа.

Томоэ убрала пустую тарелку, они долили напитки, и тогда Сакута перешел к делу.

— Речь пойдет о нашей матери, — начал он.

Именно поэтому он и организовал встречу.

— Твой отец рассказал мало, но... она в больнице?

— Она то там, то дома, восстанавливается. Но все еще проводит много времени в больнице.

Он говорил очень туманно, потому что тоже не знал подробностей. Отец старался не волновать их. А Сакута был занят двумя Каэдэ.

— Но, судя по всему, она идет на поправку.

Это означало, что у него есть вопросы, которые нужно задать Мивако.

— Хорошо.

— Понимаете, мама сказала, что хочет увидеть Каэдэ.

Мивако наверняка догадывалась, к чему все идет. Когда он наконец рассказал об этом, она медленно кивнула.

— Ах.

— И когда Каэдэ услышала, то сказала, что хочет ее увидеть, навестить.

— Да. В этом есть смысл.

— Замечательно, что она так думает, но...

Сакута был рад, что Каэдэ хочет увидеть мать и сказала об этом.

— Но я не уверен, что это безопасно.

Ему было грустно признавать, но скрывать это от Мивако было бесполезно. Именно поэтому он спрашивал ее совета, так что бравада только мешала.

— Ты беспокоишься о Каэдэ?

Очень тяжело вновь увидеть мать. Каэдэ не виновата в ее состоянии, но издевательства, через которые прошла сестра, лишили мать уверенности в родительских способностях, и у нее случился срыв. Если она увидит мать сейчас, Каэдэ может почувствовать ответственность, которая раздавит ее.

Она наконец-то смогла выйти на улицу, пойти в школу, выбрать свой собственный путь в жизни... Сакута не хотел, чтобы она снова замкнулась в себе.

Он хотел, чтобы Каэдэ увиделась с матерью, чтобы она могла навещать ее. Но как бы он ни хотел, чтобы она двигалась вперед, мысль о том, что будет дальше, не давала ему покоя.

— Ты классический старший брат.

— М-м?

Он чуть не выплюнул свой чай.

— Ты играешь эту роль с полной отдачей.

— В смысле?

Мивако не ответила. Вместо этого она изложила мысли простыми словами.

— Если ты будешь рядом с ней, то с Каэдэ все будет хорошо.

— ?..

Он не был готов принять такое объяснение.

— Каэдэ поняла, что ты всегда прикроешь ее спину, и это поможет ей справиться с большинством проблем.

— ...

Объяснение все еще казалось неправильным.

— Ты мне не веришь.

Он доверял Мивако и верил, что она не обманывает. Она все время была рядом с Каэдэ и терпеливо работала с ней. Сакута не верил только в свою роль в этом деле. И именно на ней основывала свою уверенность Мивако.

— Может, мне перечислять все хорошее, что в тебе есть, пока ты не начнешь чувствовать себя уверенно?

— Нет, спасибо.

Это бы была пытка.

Может, он и не согласен с ней, но решил довериться ее общему мнению. Это лучше, чем пытаться помешать Каэдэ увидеться с матерью.

— В таком случае, я думаю, ты должен разрешить им встретиться, если только твоя мать согласна на это. Ты уже выбрал дату?

— Работаю над этим. Я подумал, что сначала должен поговорить с вами, Томобэ.

Идея посоветоваться с Мивако возникла при разговоре с отцом, что сразу привело к их сегодняшней встрече.

— Мама еще не говорила об этом со своими консультантами, так что мы ждем их ответа.

— Что ж, будем надеяться, что все получится.

Мивако тепло улыбнулась ему. Ее слова были искренними.

И он наконец-то почувствовал, что понимает, о чем она говорит. Он наконец-то принял это.

Дело было не только в Сакуте. Каэдэ окружали люди, которые беспокоились о ней и были готовы помочь. Мивако прикрывала ее, как и Май и Нодока. Котоми Кано приехала навестить ее, и это тоже помогло. Такие люди придавали Каэдэ мужество продолжать идти вперед.

Она пережила немало трудностей, но ей все равно удалось найти важные для нее вещи. И поэтому у нее все будет хорошо.

Мивако допила чай. Она поставила пустую чашку на блюдце и посмотрела Сакуте в глаза.

— Ты сам-то в порядке?

— ?..

— Ты не понимаешь, почему я беспокоюсь.

Точнее не скажешь.

— Разногласия между членами семьи в подростковом возрасте обычно происходят по гендерному признаку. Матери и дочери особенно склонны к склокам, так что я на самом деле не так уж и обеспокоена. Но... ты давно не видел свою мать, Сакута.

— Ну... не видел.

— А ты хочешь ее увидеть?

— ...

Ее вопрос не возник из ниоткуда. Раз они уже говорили о матери, то ответ не должен быть таким расплывчатым.

Но когда она спросила, Сакута почувствовал странное нежелание. Он попытался сказать «да», но слово застряло у него в горле.

— Наверное... я немного боюсь этого.

Когда он докопался до источника своего нежелания, эти слова вырвались наружу. Задумавшись об этом, он обнаружил, что его страхи вряд ли были незначительными. Теперь он ясно видел их. Возможно, он осознал только сейчас, но его грызло уже какое-то время — и он не был уверен, сколько именно.

Прошло два долгих года.

Если бы он снова увидел свою мать, с чего бы он начал?

Должен ли он просто сказать: «Привет, давно не виделись», или... это будет неуместно? Он попытался представить, что будет чувствовать, как себя нужно вести, что делать... и он не знал, как все обернется, что будет правильно и чего он вообще хочет. Он не мог сформировать никакой ясной картины.

— Я просто не знаю, что сказать. Каэдэ всегда говорила с ней больше, чем я. Как и папа,

кстати.

— Расскажи мне о своей матери.

— Она... Она такая же, как и все остальные. Думаю, она довольно спокойная. Она была домохозяйкой и хорошо справлялась с домашними делами.

Готовила три раза в день, убирала все комнаты, стирала... У нее было много дел, но Сакута никогда не замечал никаких слабостей с ее стороны.

Время от времени накапливалась куча грязного белья, она брала еду навынос на ужин или рамен быстрого приготовления на обед, но он ни разу не слышал, чтобы она жаловалась на загруженность работой. Но она отнимает силы, и, должно быть, бывали дни, когда мать чувствовала себя не в своей тарелке.

Когда они переехали, ему пришлось все делать самому, и... теперь он это понимал.

— И...

Но он не мог придумать, что еще сказать.

Хотя они прожили вместе пятнадцать лет, до того как он переехал в Фудзисаву.

Должно быть что-то еще.

— Мы часто не знаем своих родителей.

— Наверное, да...

— Особенно это касается мальчиков. Ты не знаешь о детстве своих родителей, когда они впервые влюбились, какие у них есть или были друзья, или даже как они познакомились.

— ...

Сакута мог только кивнуть. Он ничего этого не знал.

Он был уверен, что стал больше разговаривать с отцом с тех пор, как они стали жить отдельно. В младших классах все их общение происходило через мать. «Твой отец сказал...» или «Я сказала твоему отцу...»

А разговоры с матерью сводились в основном к ответам на любые вопросы, которые она задавала. Он никогда не делился прошедшим за день. В отличие от Каэдэ.

Каэдэ всегда была ближе к матери и отцу, чем Сакута. Они втроем были дружной семьей.

Это было странно. Он пытался вспомнить какие-нибудь свои разговоры с матерью, но ничего не приходило на ум. Наверное, все они касались обычных вещей, и ничего не запомнилось.

«Доброе утро», «Обед готов», «Спасибо, что приготовила», «Я сегодня вернусь поздно», «Я ухожу в школу», «Я дома», «Ванна готова», «Ванна свободна», «Спокойной ночи».

Возможно, они общались и чаще, но все это было просто частью повседневной рутины и ничем таким, что могло остаться в памяти. Вот почему он понятия не имел, что делать, если увидит ее снова. Он никогда не задумывался о том, как с ней разговаривать. Их разговоры всегда сводились к обычным, повседневным вещам. А поскольку говорить об этом уже не получится, он немного волновался. Он никогда не разговаривал с ней при других обстоятельствах.

Но, осознав это, он почувствовал, что с плеч свалился груз.

— Я рад, что поговорил с вами, — сказал он.

— О?

Мивако подмигнула ему.

— Это помогло понять, что происходит у меня в голове.

— Ну, если тебя что-то беспокоит, не стесняйся спрашивать.

— Я так и сделаю.

Мивако отпустила его, напоследок подбодрив:

— Надеюсь, Каэдэ увидится с матерью.

Часть 6

Вечером снова позвонил отец. После разговора с маминым врачом они получили рекомендации подождать, пока Каэдэ закончит среднюю школу.

Естественно, это предложение было сделано в качестве заботы о благополучии Каэдэ.

Ее выпускной был назначен на следующую неделю, 9 марта.

Сакута не возражал и охотно согласился.

— Ты придешь на ее выпускной?

9 марта будет понедельник. Обычный будний день.

Каэдэ с большим любопытством крутилась возле телефона.

— Я приеду.

— Ладно. Хорошо.

Он кивнул Каэдэ, и она неловко улыбнулась. Было видно, что она рада его приходу, хотя и смущена. Похоже, радость победила, и она подхватила Насуно и обняла ее.

Если бы отец не приехал, Сакута пошел бы на праздник, но этому не бывать. Отличный повод прогулять школу испарился.

— Я поговорю с мамой и согласую дату визита.

Вероятно, для этого нужно внимательно следить за ее состоянием.

— Понял, — согласился он.

Сакута повесил трубку, оставив свое мнение при себе.

Следующие несколько дней они старались вести себя так, как будто все было нормально, но все время думали о встрече с матерью.

Во вторник, среду, четверг, пятницу они вставали и шли в школу. Сакута изо всех сил старался на уроках, а на переменах и в дороге зубрил флэшкарты*. Также он отрабатывал несколько смен и на следующий день снова шел в школу. Напряженный график.

[П/П: Флэшкарты - карточки с числами, с картинками, с таблицами, с формулами, которые направлены на мгновенный ответ учащихся при предъявлении этих карточек учителем.]

И все же при малейшей возможности голову Сакуты заполняли мысли о матери. Каждый раз, когда он проходил мимо женщины ее возраста, каждый раз, когда он видел женщину ее роста в продуктовом магазине...

Особенно если он видел мамочку, гуляющую с дочерью, ровесницей Каэдэ. При виде того, как эти семьи вместе смеются, он надеялся, что когда-нибудь Каэдэ и их мать снова смогут вести себя так же.

Он уже давно испытывал такие чувства.

Но реальность была далека от идеала, а с другой Каэдэ столько всего произошло, что он выкинул эту мысль из головы. В какой-то момент он совсем перестал думать об этом. Но отказ не означал, что эти чувства исчезли.

И мир был полон триггеров, напоминающих ему об этом. Вокруг было так много обычных семей.

Всю субботу он провел на работе. Вечером позвонила Май со съемок, которые проходили где-то в Яманаси.

— Как дела с университетом, Май?

Результаты экзаменов были вывешены сегодня, 7 марта.

— Я поступила.

Она была взволнована с самого начала, и он решил, что так оно и есть. В том, что она сдаст экзамен, сомнений не было. Май Сакурадзима не подвела.

— Поздравляю, Май.

— Спасибо.

— ...

— ...

— О? Никаких «ты должен сделать свою часть работы, Сакута»?

— Я знаю, что ты все делаешь.

— Значит, если я не поступлю в следующем году, ты не будешь злиться?

— Я бы подождала еще один год при необходимости.

— Я не хочу так долго учиться. Лучше сдать с первого раза.

Она манипулировала им, заставляя пообещать. Если бы это был «Северный ветер и солнце», она бы выбрала стратегию солнца.

Довольная своей победой, Май пожелала ему спокойной ночи и повесила трубку.

На следующий день было воскресенье, 8 марта, и Сакута вывел Каэдэ из дома рано утром.

Целый час они ехали на поезде от станции Фудзисава и оказались в самом центре Синдзюку. Они прибыли на презентацию школы дистанционного обучения.

Она длилась добрых полтора часа, но Каэдэ слушала с восторженным вниманием, яростно строча заметки. Она старалась изо всех сил, чтобы выбрать для себя подходящую школу.

Когда все закончилось, отец догнал их, и они получили несколько индивидуальных консультаций. Эта школа не просто так заявляла, что предлагает самые современные онлайн-классы; если они подадут документы до конца марта, то в апреле ее зачислят на первый год.

Еще три недели на принятие решения. Учитель, который встретился с Каэдэ, сказал: «У тебя есть время подумать. Не нужно торопиться». В отличие от обычных школ, в этой не было лимита на прием и необходимости подавать документы раньше времени.

И отец, и Сакута подумали, что Каэдэ захочет пойти домой и поспать, но она доказала, что они ошибаются.

Когда собрание закончилось, и они поднялись, чтобы уходить, Каэдэ сказала:

— Я хочу поступить сюда.

Она сразу же дала понять о своих чувствах.

Не похоже, что она поторопилась или сомневалась. Она выглядела довольной собой, как будто высказала то, о чем думала все время.

Учительница приготовила ноутбук, и они заполнили онлайн-заявку.

Школе потребуется несколько дней, чтобы принять решение, но на этом планы Каэдэ на старшую школу были полностью выполнены.

Радуюсь тому, что все обошлось хорошо, на следующий день она отправилась на выпускной в приподнятом настроении.

Как он и обещал, отец там присутствовал, и Май тоже пробралась туда. Сакута узнал об этом только по возвращении домой.

Май шла домой с выпускного вместе с Каэдэ и до сих пор была с ней. В то утро она первым делом вернулась из Яманаси. Ее волосы были собраны в хвост и перекинуты через плечо. На ней были бутфорские очки и скучный официальный пиджак. Он почти никогда не видел ее в юбке-карандаше, и это отразилось в его глазах, а она молча топнула ногой.

Нодока присоединилась к ним вечером, как только закончились уроки ее кумира, и они устроили вторую скромную вечеринку по случаю окончания школы.

Каэдэ успешно окончила школу, ее следующая школа уже была выбрана, так что она выглядела гораздо увереннее. Она болтала с Май и Нодокой, и была по крайней мере на двадцать процентов более разговорчивой, чем обычно.

После того как Каэдэ освободилась от школы, они перешли в режим «ждем звонка от папы». Но они не могли круглосуточно стоять у телефона, потому что Сакута посещал школу и сдавал выпускные экзамены за второй год.

Даже дома он в основном занимался, а на следующий день возвращался в школу на очередной тест. И так всю неделю, без особых происшествий.

Единственный примечательный случай произошел, когда после экзаменов он проверил почтовый ящик и обнаружил письмо от Сёко из Окинавы.

В письме была фотография, на которой она выглядела здоровой, а за спиной у нее раскинулся прекрасный океан у берегов Окинавы. На Сёко был белый сарафан с короткими рукавами и соломенная шляпка. В письме говорилось, что на улице было почти 27 градусов.

Большая разница по сравнению с Канто, где едва пробуждались признаки весны.

Я еще напишу.

На этом письмо заканчивалось, и в нем вовсе не упоминалось о «Подростковом синдроме». Сакута решил, что Сёко ничего не знает ни о новом шраме у него на боку, ни о маленькой девочке, похожей на Май.

— Ну, если она не знает, то ей лучше и не знать.

Ему следует написать ответ. Пока же он убрал письмо в ящик стола.

А потом наступили выходные.

Суббота, 14 марта.

Нодока пригласила их на концерт в Йокогаме. Выступала группа «Сладкая пуля». Май вернулась в Яманаси на съемки телешоу.

Концерт был приурочен ко дню рождения Нодоки, поэтому было жаль, что Май не смогла присутствовать, но поклонники поддерживали её очень активно, и она работала до седьмого пота, явно отлично проводя время.

После концерта, поскольку это был еще и Белый день, состоялась встреча, на которой участники группы раздавали печенье.

Фанаты могли получить одно печенье от того участника, который им нравится больше.

Сакута встал в очередь к лидеру «Сладкой пули», Узуки Широкаве. Он получил печенье и рукопожатие. Очевидно, Узуки всегда выкладывалась по полной, что бы ни делала — наверное, поэтому его рука все еще побаливала.

Естественно, Нодока засуетилась.

— Зачем ты встал в очередь к Зукки?!

— Хотел поблагодарить ее за помощь со школой Каэдэ.

Вполне законная причина.

— И это все?..

— Еще мне нравятся айдолы, которые не носят трусики.

Не менее законная причина.

— Она их носит!

Каэдэ пришла к ним и встала в очередь к Нодоке.

Когда они уже собирались уходить, Узуки выделила время, чтобы пообщаться побольше, что включало в себя еще одно рукопожатие в полную силу. Когда они уходили, было уже девять.

Каэдэ почти никогда не выходила на улицу после наступления темноты, так что прогулка по ночным улицам, должно быть, оказалась для нее захватывающим зрелищем.

— Ты была великолепна, Нодока!

— Ну, да.

— Узуки тоже очень крутая.

— Ага.

— Я хочу сходить и на другие концерты.

Она явно была большой поклонницей.

Когда они добрались до дома, было уже за десять.

— Мы вернулись, — сказал он, и Насуно мяукая высунула морду из гостиной.

Он выдал ей поздний ужин, и тут Каэдэ позвала его.

— Сакута, на автоответчике сообщение.

Он поднял голову: мигала красная лампочка.

Может быть, Май позвонила, когда уже была на месте.

— ...

Но в глазах Каэдэ мелькнула тревога.

Не нужно было спрашивать, почему. Та же мысль пришла и ему в голову. Был только один человек, который мог позвонить.

Он занервничал, чувствуя, как внутри поднимается волна напряжения. Пока она не стало слишком сильной, он подошел к телефону и нажал на кнопку.

Одно сообщение. 20:21.

Никто из них не отрывал глаз от телефона.

— Это насчет того, чтобы навестить вашу мать...

Голос их отца.

— Она сейчас в хорошей форме. Я знаю, что это неожиданно, но, может быть, получится завтра днем?

Он без лишних слов перешел к делу.

— Я перезвоню позже.

Сообщение закончилось, и в комнате стало очень тихо.

— Ну что, Каэдэ?

— ...

Вместо ответа она просто кивнула. Безо всяких колебаний.

— Хорошо. Думаю, мы увидимся с ней завтра.

Он поднял трубку и перезвонил отцу.

— Папа? Это я...

<http://tl.rulate.ru/book/20190/2964420>